

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Взаимосвязь понятий теодицеи и организма в интерпретации И.А.Ильиным философии Г.В.Ф.Гегеля

Коломейцева Татьяна Сергеевна

Кандидат наук

УрФУ, департамент философии, Екатеринбург, Россия

E-mail: kolomeytseva.ts@yandex.ru

Иван Ильин в своем труде "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека" описывает концепцию Гегеля в виде следующей формулы: "... всё по существу божественно (пантеизм), всё едино (монизм), всё разумно (панлогизм), всё благодатно (теодицея)" [1]. Успешное начертание теодицеи является своего рода проверкой того, насколько качественно спекулятивное самозмышление выполняет свой процесс самополагания и воплощения себя в мире. Единый мировой разум должен явить торжество Абсолютной идеи исключительно в логике. Исследуемая научная работа И.Ильина призвана показать, что этот красивый замысел остается не реализован, а вследствие этого преобразован Гегелем.

В первую очередь, под удар ильинской критики попадает, конечно, панлогизм. Это одно из самых слабых звеньев. Всё многообразие жизни не может быть сведено к строгой системности, на которую претендует немецкий философ. Картина всеобщего развития, им нарисованная, является плодом не научного познания, но религиозно-мистического опыта. Иван Ильин крайне ценит этот опыт Гегеля, но отнюдь не поклоняется теоретическим выкладкам великого немца. Скорее, исходя из анализа, предпринятого Ильиным, здесь можно говорить об определенном пан-мистицизме теории Гегеля, который выражается как в его гносеологии, так и в концептуально-содержательном ядре понимания Бога.

"Не всё, что есть, логически-разумно". Это однозначно, что теодицея не может осуществиться в элементе "логического", что необходимо иное мерило. "Логос" был с самого начала проникнут "телосом" и этим, до известной степени, демонизирован" [2], - утверждает И.А. Ильин и далее расшифровывает: "Спекулятивное Понятие ... есть организм" [3].

Если Бог есть организм, в котором сохраняются элементы неразумного, то благостным его можно назвать в том случае, если развитие и рост этого организма в своем предельном воплощении, в предполагаемом "конце истории" приведут к благу – только так можно оправдать всю ложь, грязь и бесчинства обыденного человеческого мира. На горизонте несовершенств обозримого прошлого и будущего встает миф об их не напрасности и даже необходимости для вселенского торжества добра.

Ильин констатирует: "Уступка Гегеля состоит ... в переходе от панлогистического замысла к пантелеологическому осуществлению теодицеи" [4]. Высшая ценность Бога остается неизменной, но теперь в нее включается человеческое как ключевой и равноправный элемент, ибо пантелеологизм невозможен вне аспекта социального.

Божественность, красота этого мира заложена в великом замысле развития человечества. В людях оказываются востребованы их самые лучшие качества. Знание о бесценном вкладе, вносимом человеком в ход истории должно очищать его дух, постижение основ мирового развития, которое происходит в ходе философского напряжения

мысли, действует очищающе на индивида и он возносится в своем познании к Богу, черпает там вдохновение для своей практической жизни. С Богом, как с ценнейшим камертоном, сверяет человек звучание своей души, и являет миру свои самые светлые стороны. Таков гуманистический пафос прочтения Ильиным философии Гегеля.

Понятие в трактовке И.А.Ильина у Г.В.Ф.Гегеля раскрывается как телеологически саморазвивающийся божественный организм, где мышление не является конституирующим принципом

Ильин утверждает единство для Гегеля “логической” и “органической”[5] необходимости. Движение мысли закольцовано само на себе и образует целостный организм смысла. А поскольку Понятие таким образом осуществляет свою полную конкретизацию согласно законам самоопределения и органического роста, то оно является свободным.

Ильин подчеркивает иррационалистический, созерцательный, даже “мистический”[6] характер мышления у Гегеля. Оно не просто свободно от логических постулатов сферы рассудка и формальных законов. Мышление получает характеристики организма, оно живое: “самозабвенно погруженной в предмет мысли открывается некоторый смысл; кроме этого смысла ничего нет; есть только он один; в нем обнаруживается изменение; еще изменение; еще изменение; смысл, подобно растению или животному, оставаясь все тем же смыслом, меняется и в изменении своем обнаруживает известную закономерность”[7].

Любовь – это извечная мировая сила, обнаруживающаяся в человеческом чувстве и личностном переживании. “Божество есть всепроникающая сила любви”[8], - пишет Ильин. Она оживляет Абсолютную идею, дает ей свободу от абстракций, фиксирует в ней характеристики организма, живой целостности. В этом контексте И.А.Ильин характеризует любовь как “конкретизирующую силу”[9].

“Спекулятивная политика” в гегелевском государстве объединяет субъективные воли конкретных людей общие для всех связи в “единый народно-государственный организм”[10], - пишет И.А.Ильин.

Гегелевское государство олицетворяет собой не механическую форму объединенного пребывания людей, а диалектический момент интеграции духовного значения их жизней; это единство не народа, а духа народа. “В основании государственного бытия лежит... некоторое абсолютно-достоверное постижение, то есть, в сущности говоря, философское познание, которое углубляет и обновляет свою спекулятивную подлинностью и действительностью всю, как личную, так и народную, жизнь”[11], - писал И.А.Ильин.

В результате становления государственной жизни как целостного организма происходит самотрансформация отдельных “я”, слагающих его. Через деятельное утверждение принципа единства всех людей в Боге, открывшегося в напряженной рефлексии, вступает в свои права особая реальность: “подлинная личность индивида находится за пределами такого «я», – там, где она и наполняется субстанциальным содержанием и сливается с ним”[12]. Конечно, и ранее, в уединенном процессе восхождения единичной души к Богу ей открывалась эта истина, но только в государстве, через социальную практику, осуществляется качественная метаморфоза спекулятивной конкретизации.

Ильин пишет: “Утверждение эмпирического, чувственного мира единичных и конечных вещей и состояний есть отрицание Бога”[13], “самое существование относительного

и конечного мира делает невозможным бытие Абсолютного»[14]. Путь к Богу лежит через признание несостоятельности повседневного мира, который есть только наваждение, его власть призрачна, хотя и держит в ослеплении непросвещенные умы.

Личное и субъективное нужно свести к нулю. Это дело строжайшей дисциплины мышления. Реальное физическое пространство никак не устранимо для наших органов чувств, но и это не должно стать причиной для его отрицания. То же самое можно сказать о времени. Бог вне времени, вне истории, он словно находится над этими процессами, творя своё собственное и единственно имеющее значение движение. Но человек является частью Божественного организма, потому время для него – лишь иллюзия, которую можно и нужно угасить.

[1] Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. С. 470

[2] Там же. С. 491

[3] Там же.

[4] Там же. С. 492

[5] Там же. С. 158

[6] Там же. С. 68

[7] Там же. С. 66

[8] Там же. С. 249

[9] Там же. С. 474

[10] Там же. С. 411

[11] Там же. С.408

[12] Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. Кант – Гегель – Вл.Соловьев
// <http://www.rodon.org/lvv/emvgirkgvs.htm>

[13] Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. С.479

[14] Там же. С.199

Литература

1. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
2. Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. Кант – Гегель – Вл.Соловьев
// <http://www.rodon.org/lvv/emvgirkgvs.htm>